

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

МАРК ТВЕН

МАРК ТВЕН

Том Со́йер

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

ТОМ СОЙЕР ЗА ГРАНИЦЕЙ

ТОМ СОЙЕР — СЫЩИК

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ТРУМЭНА ВИЛЬЯМСА,
ДЭНИЕЛА БЭРДА, АРТУРА ФРОСТА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84.(Амер.)6-5
Т26

Перевод с английского
К. Чуковского, К. Савельева, Б. Грибанова

Рисунок на переплете
Уорта Брема

Твен Марк
Т26 Том Сойер: Приключения Тома Сойера. Том Сойер за границей. Том Сойер — сыщик. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 394 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2618-8

«Приключения Тома Сойера», «Том Сойер за границей» и «Том Сойер — сыщик» — самые знаменитые книги Марка Твена, принесшие ему мировую славу.

Публикуемые в этой книге бессмертные произведения Марка Твена сопровождаются 204 иллюстрациями, созданными тремя известными американскими художниками при непосредственном сотрудничестве с автором. Рисунки Т. Вильямса, Д. Бэрда и А. Фроста показывают читателю героев книги такими, какими их представлял себе сам Марк Твен.

УДК 821.161.1
ББК 84.(Амер.)6-5

ISBN 978-5-9922-2618-8

© Перевод К. Чуковский. Наследники, 2018
© Перевод К. Савельева, 2018
© Перевод Б. Грибанова. Наследники, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

*Своей жене
с чувством нежной любви
я посвящаю эту книгу*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большинство приключений, описанных в этой книге, происходило взаправду: два-три приключения — со мною, остальные — со школьными моими товарищами. Гек Финн существовал на самом деле. Том Сойер тоже. Но не в качестве отдельного лица: в нем объединились черты трех моих знакомых мальчишек, так что его образ является сложной архитектурной конструкцией.

Диковинные суеверия, бегло изображенные здесь, действительно бытовали среди детей и рабов в ту пору, к которой относится настоящий рассказ, то есть лет тридцать или сорок назад.

Хотя книга моя предназначена главным образом для мальчиков и девочек, надеюсь — мужчины и женщины не станут из-за этого чураться ее, ибо я считал своей приятной обязанностью напомнить взрослым, какими они были когда-то, каковы были их детские чувства, разговоры и мысли и в каких необычайных переделках приходилось им бывать иногда.

*Хартфорд, 1876
Автор*

Глава I

ТОМ ИГРАЕТ, СРАЖАЕТСЯ, ПРЯЧЕТСЯ

— Том!

Нет ответа.

— Том!

Нет ответа.

— Куда же он запропастился, этот мальчишка?.. Том!

Нет ответа.

Старушка спустила очки на кончик носа и оглядела комнату поверх очков, потом вздернула очки на лоб и глянула из-под них. Она редко смотрела сквозь очки, если ей приходилось искать такую мелочь, как мальчишка, потому что это были ее парадные очки, гордость ее сердца: она носила их только «для важности»; на самом же деле они были ей совсем не нужны, с таким же успехом она могла бы глядеть сквозь печные заслонки. В первую минуту она как будто растерялась и

сказала не очень сердито, но все же довольно громко, чтобы мебель могла ее слышать:

— Ну, попадись только! Я тебя...

Не досказав своей мысли, старуха нагнулась и стала тыкать щеткой под кровать, всякий раз останавливаясь, так как у нее не хватало дыхания. Из-под кровати она не извлекла ничего, кроме кошки.

— В жизни своей не видела такого мальчишки!

Она подошла к открытой двери и, став на пороге, зорко вглядывалась в свой огород — заросшие сорняком помидоры. Тома не было и там. Тогда она возвысила голос, чтоб было слышно подальше, и крикнула:

— То-о-ом!

Позади послышался легкий шорох. Она оглянулась и в ту же секунду схватила за край куртки мальчишку, который собирался улизнуть.

— Ну конечно! И как это я могла забыть про чулан! Что ты там делал?

— Ничего.

— Ничего! Погляди на свои руки. И погляди на свой рот. Чем это ты выпачкал губы?

— Не знаю, тетя!

— А я знаю. Это — варенье, вот что это такое. Сорок раз я говорила тебе: не смей трогать варенье, не то я с тебя шкуру спущу! Дай-ка сюда этот прут.

Розга взметнулась в воздухе — опасность была неминуема.

— Ай! Тетя! Что это у вас за спиной!

Старуха испуганно повернулась на каблуках и поспешила подобрать свои юбки, чтобы уберечь себя от грозной беды, а мальчик в ту же секунду пустился бежать, вскарабкался на высокий дощатый забор — и был таков!

Тетя Полли остолбенела на миг, а потом стала добродушно смеяться.

— Ну и мальчишка! Казалось бы, пора мне привыкнуть к его фокусам. Или мало он выкидывал со мной всяких штук? Могла бы на этот раз быть умнее. Но, видно, нет хуже дурака, чем старый дурень. Недаром говорится, что старого пса новым штукам не выучишь. Впрочем, господи боже ты мой, у этого мальчишки и штуки все разные: что ни день, то другая, — разве тут догадаешься, что у него на уме? Он будто знает, сколько он может мучить меня, покуда я не выйду из терпения, и знает, что стоит ему на минуту сбить меня с толку или рассмешить, и вот уж руки у меня опускаются и я не в силах отхлестать его розгой. Не исполняю я своего долга, что верно, то верно, да простит меня Бог. Кто обходится без

розги, тот губит ребенка, говорит Священное Писание. Я же, грешная, балую его, и за это достанется нам на том свете — и мне и ему. Знаю, что он сущий бесенок, но что же мне делать? Ведь он сын моей покойной сестры, бедный малый, и у меня духу не хватает пороть сироту. Всякий раз, как я дам ему увильнуть от побоев, меня так мучает совесть, что и сказать не умею, а выпорю — мое старое сердце прямо разрывается на части. Верно, верно сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей. Так оно и есть! В школу он сегодня не вернется, будет лодырничать до самого вечера, и мой долг наказать его, и я выполню мой долг — заставлю его завтра работать. Это, конечно, жестоко, так как завтра у всех мальчиков праздник, но ничего не поделаешь, больше всего на свете он ненавидит трудиться. Спустить ему на этот раз я не вправе, не то я окончательно сгублю малыша.

Том и в самом деле не ходил нынче в школу и очень весело провел время. Он еле успел воротиться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить на завтра дров и наколоть щепок, или, говоря более точно, рассказать ему о своих приключениях, пока тот исполнял три четверти всей работы. Младший брат Тома, Сид (не родной брат, а сводный), к этому времени уже сделал все, что ему было приказано (собрал и отнес все щепки), потому что это был послушный тихоня: не проказничал и не доставлял неприятностей старшим.

Пока Том уплетал свой ужин, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы стянуть кусок сахара, тетя Полли задавала ему разные вопросы, полные глубокого лукавства, надеясь, что он попадет в расставленные ею ловушки и проболтается. Как и все простодушные люди, она не без гордости считала себя тонким дипломатом и видела в своих наивнейших замыслах чудеса ехидного коварства.

— Том, — сказала она, — в школе сегодня небось было жарко?

— Да, 'м.

— Очень жарко, не правда ли?

— Да, 'м.

— И неужто не захотелось тебе, Том, искупаться в реке?

Тому почудилось что-то недоброе — тень подозрения и страха коснулась его души. Он пытливо посмотрел в лицо тете Полли, но оно ничего не сказало ему. И он ответил:

— Нет, 'м... не особенно.

Тетя Полли протянула руку и потрогала у Тома рубашку.

— Даже не вспотел, — сказала она.

И она самодовольно подумала, как ловко удалось ей обнаружить, что рубашка у Тома сухая; никому и в голову не пришло, какая хитрость бы-

ла у нее на уме. Том, однако, уже успел сообразить, куда ветер дует, и предупредил дальнейшие расспросы:

— Мы подставляли голову под насос — освежиться. У меня волосы до сих пор мокрые. Видите?

Тете Полли стало обидно: как могла она упустить такую важную косвенную улику! Но тотчас же новая мысль осенила ее.

— Том, ведь, чтобы подставить голову под насос, тебе не пришлось распарывать воротник рубашки в том месте, где я зашила его? Ну-ка, расстегни куртку!

Тревога сбежала у Тома с лица. Он распахнул куртку. Воротник рубашки был крепко зашит.

— Ну хорошо, хорошо. Тебя ведь никогда не поймешь. Я была уверена, что ты и в школу не ходил, и купался. Ладно, я не сержусь на тебя: ты хоть и порядочный плут, но все же оказался лучше, чем можно подумать.

Ей было немного досадно, что ее хитрость не привела ни к чему, и в то же время приятно, что Том хоть на этот раз оказался пай-мальчиком.

Но тут вмешался Сид.

— Что-то мне помнится, — сказал он, — будто вы зашивали ему воротник белой ниткой, а здесь, поглядите, черная!

— Да, конечно, я зашила белой!.. Том!..

Но Том не стал дожидаться продолжения беседы. Убегая из комнаты, он тихо сказал:

— Ну и вздую же я тебя, Сидди!

Укрывшись в надежном месте, он осмотрел две большие иголки, засткнутые за отворот куртки и обмотанные нитками. В одну была вдет белая нитка, а в другую — черная.

— Она и не заметила бы, если б не Сид. Черт возьми! То она зашивает белой ниткой, то черной. Уж шила бы какой-нибудь одной, а то поневоле собьешься... А Сиды я все-таки вздую — будет ему хороший урок!

Том не был Примерным Мальчиком, каким мог бы гордиться весь город. Зато он отлично знал, кто был примерным мальчиком, и ненавидел его.

Впрочем, через две минуты — и даже скорее — он позабыл все невзгоды. Не потому, чтобы они были для него менее тяжки и горьки, чем невзгоды, обычно мучающие взрослых людей, но потому, что в эту минуту им овладела новая могучая страсть и вытеснила у него из головы все тревоги. Точно так же и взрослые люди способны забывать свои горести, едва только их увлечет какое-нибудь новое дело. Том в настоящее время увлекся одной драгоценной новинкой: у знакомого негра он перенял особую манеру свистеть, и ему давно уже хотелось поупражняться в этом искусстве на воле, чтобы никто не мешал. Негр свистел по-птичьи. У него получалась певучая трель, прерываемая короткими паузами, для чего нужно было часто-часто дотрагиваться языком до нёба. Читатель, вероятно, помнит, как это делается, — если только он когда-нибудь был мальчишкой. Настойчивость и усердие помогли Тому быстро овладеть всей техникой этого дела. Он весело зашагал по улице, и рот его был полон сладкой музыки, а душа была полна благодарности. Он чувствовал себя как астроном, открывший в небе новую планету, только радость его была непосредственнее, полнее и глубже.

Летом вечера долгие. Было еще светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомец, мальчишка чуть побольше его. Всякое новое лицо любого пола и возраста всегда привлекало внимание жителей убогого городишки Санкт-Петербурга. К тому же на мальчишке был нарядный костюм — нарядный костюм в будень! Это было прямо поразительно. Очень изящная шляпа; аккуратно застегнутая синяя суконная куртка, новая и чистая, и точно такие же брюки. На ногах у него были башмаки, даром что сегодня еще только пятница. У него был даже галстук — очень яркая лента. Вообще, он имел вид городского щеголя, и это взбесило Тома. Чем больше Том глядел на это дивное диво, тем обтерханнее казался ему его собственный жалкий костюм и тем выше задирали он нос, показывая, как ему противны такие франтовские наряды. Оба мальчика встретились в полном молчании. Стоило одному сделать шаг, делал шаг и другой, — но только в сторону, вбок, по кругу. Лицо к лицу и глаза в глаза — так они передвигались очень долго. Наконец Том сказал:

- Хочешь, я тебя вздую?
- Попробуй!
- А вот и вздую!

- А вот и не вздуешь!
- Захочу и вздую!
- Нет, не вздуешь!
- Нет, вздую!
- Нет, не вздуешь!
- Вздую!
- Не вздуешь!

Тягостное молчание. Наконец

Том говорит:

- Как тебя зовут?

— А тебе какое дело?

— Вот я покажу тебе, какое мне дело!

— Ну покажи. Отчего не показываешь?

— Скажи еще два слова — и покажу.

— Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе! Ну!

— Ишь какой ловкий! Да если бы я захотел, я одной рукой мог бы задать тебе перцу, а другую пусть привяжут мне за спину.

— Почему ж не задаешь? Ведь ты говоришь, что можешь.

— И задам, если будешь ко мне приставать!

— Ай-яй-яй! Видали мы таких!

— Думаешь, как расфуфырился, так уж и важная птица! Ой, какая шляпа!

— Не нравится? Сбей-ка ее у меня с головы, вот и получишь от меня на орехи.

— Врешь!

— Сам ты врешь!

— Только страшает, а сам трус!

— Ладно, проваливай!

— Эй, ты, слушай: если ты не уймешься, я расшибу тебе голову!

— Как же, расшибешь! Ой-ой-ой!

— И расшибу!

— Чего же ты ждешь? Пугаешь, пугаешь, а на деле и нет ничего! Боишься, значит?

— И не думаю.

— Нет, боишься!

— Нет, не боюсь!

— Нет, боишься!

Снова молчание. Пожирают друг друга глазами, топчутся на месте и делают новый круг. Наконец, они стоят плечом к плечу. Том говорит:

— Убирайся отсюда!

— Сам убирайся!

— Не желаю.

— И я не желаю.

Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперед под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не дается ни тому ни другому. Толкаются они долго. Разгоряченные, красные, они понемногу ослабляют свой натиск, хотя каждый по-прежнему остается настороже. И тогда Том говорит:

— Ты трус и шенок! Вот я скажу моему старшему брату — он одним мизинцем отколотит тебя. Я ему скажу — он отколотит!

— Очень я боюсь твоего старшего брата! У меня у самого есть брат, еще старше, и он может швырнуть твоего вон через тот забор. (Оба брата — чистейшая выдумка.)

— Врешь!

— Мало ли что ты скажешь!

Том большим пальцем ноги проводит в пыли черту и говорит:

— Посмей только переступить через эту черту! Я дам тебе такую взбучку, что ты с места не встанешь! Горе тому, кто перейдет за эту черту!

Чужой мальчик тотчас же спешит перейти за черту:

— Ну, посмотрим, как ты вздуешь меня.

— Отстань! Говорю тебе: лучше отстань!

— Да ведь ты говорил, что поколотишь меня. Отчего ж не колотишь?

— Черт меня возьми, если не поколочу за два цента!

Чужой мальчик вынимает из кармана два больших медяка и с усмешкой протягивает Тому.

Том ударяет его по руке, и медяки летят на землю. Через минуту оба мальчика катаются в пыли, сцепившись, как два кота. Они дергают друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они щиплют и царапают друг другу носы, покрывая себя пылью и славой. Наконец неопределенная масса принимает отчетливые очертания, и в дыму сражения становится видно, что Том сидит верхом на враге и молотит его кулаками.

— Проси пощады! — требует он.

Но мальчик старается высвободиться и громко ревет — больше от злости.

— Проси пощады! — И молотья продолжается.

Наконец чужой мальчик невнятно бормочет: «Довольно!» — и Том, отпуская его, говорит:

— Это тебе наука. В другой раз гляди, с кем связываешься.

Чужой мальчик побрел прочь, стряхивая с костюмчика пыль, всхли-
пывая, шмыгая носом, время от времени оборачиваясь, качая головой и
грозя жестоко разделаться с Томом «в следующий раз, когда поймает
его». Том отвечал насмешками и направился к дому, гордый своей побе-
дой. Но едва он повернулся спиной к незнакомцу, тот запустил в него
камнем и угодил между лопатками, а сам кинулся бежать, как антилопа.
Том гнался за предателем до самого дома и таким образом узнал, где тот
живет. Он постоял немного у калитки, вызывая врага на бой, но враг
только строил ему рожи в окне, а выйти не пожелал. Наконец появилась
мамаша врага, обозвала Тома гадким, испорченным, грубым мальчиш-
кой и велела убираться прочь. Том ушел, но, уходя, пригрозил, что будет
бродить поблизости и задаст ее сыночку как следует.

Домой он вернулся поздно и, осторожно влезая в окно, обнаружил,
что попал в засаду: перед ним стояла тетка; и когда она увидела, что ста-
лось с его курткой и штанами, ее решимость превратить его праздник в
каторжную работу стала тверда как алмаз.

Глава II ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МАЛЯР

Наступила суббота. Летняя природа сияла — свежая, кипящая жизнью. В каждом сердце звенела песня, а если сердце было молодое, песня изливалась из уст. Радость была на каждом лице, каждый шагал упруго и бодро. Белые акации стояли в цвету и наполняли воздух ароматом. Кардифская гора, возвышавшаяся над городом, покрылась зеленью. Она была как раз на таком расстоянии, чтобы казаться обетованной землей — чудесной, безмятежной, заманчивой.

Том вышел на улицу с ведром извести и длинной кистью. Он окинул взглядом забор, и радость в одно мгновение улетела у него из души, и там воцарилась тоска. Тридцать ярдов деревянного забора в девять футов вышины! Жизнь

показалась ему бессмыслицей, существование — тяжелой ношей. Со вздохом обмакнул он кисть в извешку, провел ею по верхней доске, потом проделал то же самое снова и остановился: как ничтожна белая полоска по сравнению с огромным пространством некрашеного забора! В отчаянии он опустился на землю под деревом. Из ворот выбежал вприпрыжку Джим. В руке у него было жестяное ведро. Он напевал песенку «Девушки

Буффало». Ходить за водой к городскому насосу Том всегда считал неприятным занятием, но сейчас он взглянул на это дело иначе. Он вспомнил, что у насоса всегда собирается много народу: белые, мулаты, чернокожие; мальчишки и девчонки в ожидании своей очереди сидят, отдыхают, ведут меновую торговлю игрушками, ссорятся, дерутся, балуются. Он вспомнил также, что, хотя до насоса было не более полутора шагов, Джим никогда не возвращался домой раньше чем через час, да и то почти всегда приходилось бегать за ним.

— Слушай-ка, Джим, — сказал Том, — хочешь, побели тут немножко, а за водой сбегаю я.

Джим покачал головой и сказал:

— Не могу, масса Том! Старая хозяйка велела, чтобы я шел прямо к насосу и ни с кем не останавливался по пути. Она говорит: «Я уж знаю, — говорит, — что масса Том будет звать тебя белить забор, так ты его не слушай, а иди своей дорогой. Я сама, — говорит, — пойду посмотреть, как он будет белить».

— А ты ее не слушай! Мало ли что она говорит, Джим! Давай сюда ведро, я мигом сбегаю. Она и не узнает.

— Ой, боюсь, масса Том, боюсь старой миссис! Она мне голову оторвет, ей-богу оторвет!

— *Она!* Да она пальцем никого не тронет, разве что стукнет наперстком по голове — вот и все! Кто же на это обращает внимание? Говорит она, правда, очень злые слова, ну да ведь от слов не больно, если только она при этом не плачет. Джим, я дам тебе шарик. Я дам тебе мой белый алебастровый шарик.

Джим начал колебаться.

— Белый шарик, Джим, отличный белый шарик!

— Так-то оно так, вещь отличная! А только все-таки, масса Том, я крепко боюсь старой миссис.

— И к тому же, если ты захочешь, я покажу тебе мой волдырь на ноге.

Джим был всего только человек и не мог не поддаться такому соблазну. Он поставил ведро на землю, взял алебастровый шарик и, пылая любопытством, смотрел, как Том разбинтовывает палец ноги, но через минуту уже мчался по улице с ведром в руке и мучительной болью в затылке, между тем как Том принялся деятельно мазать забор, а тетушка покидала поле битвы с тупфлей в руке и торжеством во взоре.

Но энергии хватило у Тома ненадолго. Он вспомнил, как весело собирался провести этот день, и на сердце у него стало еще тяжелее. Скоро другие мальчишки, свободные от всяких трудов, выбегут на улицу гулять и резвиться. У них, конечно, затеяны разные веселые игры, и все они будут издеваться над ним за то, что ему приходится так тяжело работать. Самая

мысль об этом жгла его, как огонь. Он вынул из карманов свои сокровища и стал рассматривать их: обломки игрушек, шарики и тому подобная рухлядь; всей этой дребедени, пожалуй, достаточно, чтобы оплатить три-четыре минуты чужого труда, но, конечно, за нее не купишь и получаса свободы. Он снова убрал свое жалкое имущество в карман и отказался от мысли о подкупе. Никто из мальчишек не станет работать за такую нищенскую плату. И вдруг в эту черную минуту отчаяния на Тома снизошло вдохновение! Именно вдохновение, не меньше — блестящая, гениальная мысль.

Он взял кисть и спокойно принялся за работу. Вот вдаль показался Бен Роджерс, тот самый мальчишка, насмешек которого он боялся больше всего. Бен не шел, а прыгал, скакал и приплясывал — верный знак, что на душе у него легко и что он многого ждет от предстоящего дня. Он грыз яблоко и время от времени издавал протяжный мелодический свист, за которым следовали звуки на самых низких нотах: «дин-дон-дон, дин-дон-дон», так как Бен изображал пароход. Подойдя ближе, он убавил скорость, стал посреди улицы и принялся не торопясь заворачивать, осторожно, с надлежащею важностью, потому что представлял собою «Большую Миссури», сидящую в воде на девять футов. Он был и пароход, и капитан, и сигнальный колокол в одно и то же время, так что ему приходилось воображать, будто он стоит на своем собственном мостике, отдает себе команду и сам же выполняет ее.

— Стоп, машина, сэр! Дин-дилинь, динь-дилинь-динь!

Пароход медленно сошел с середины дороги и стал приближаться к тротуару.

— Задний ход! Дилинь-дилинь-динь!

Обе его руки вытянулись и крепко прижались к бокам.

— Задний ход! Право руля! Тш, дилинь-линь! Чшш-чшш-чшш!

Правая рука величаво описывала большие круги, потому что она представляла собой колесо в сорок футов.

— Лево на борт! Лево руля! Дилинь-динь-динь! Чшш-чшш-чшш!

Теперь левая рука начала описывать такие же круги.

— Стоп, правый борт! Дилинь-динь-динь! Стоп, левый борт! Вперед и направо! Стоп! Малый ход! Динь-дилинь! Чуу-чуу-у! Отдай конец! Да живеи пошевеливайся! Эй ты, на берегу! Чего стоишь? Принимай канат! Носовой швартов! Накидывай петлю на столб! Задний швартов! А теперь отпусти! Машина остановлена, сэр! Дилинь-динь-динь! Шт! шт! шт! (Машина выпускала пары.)

Том продолжал работать, не обращая на пароход никакого внимания. Бен уставился на него и через минуту сказал:

— Ага! Попался!

Ответа не было. Том глазами художника созерцал свой последний мазок, потом осторожно провел кистью опять и вновь откинулся назад — полюбоваться. Бен подошел и стал рядом. У Тома слюнки потекли при виде яблока, но он как ни в чем не бывало упорно продолжал свою работу. Бен сказал:

— Что, брат, заставляют работать?

Том круто повернулся к нему:

— А, это ты, Бен! Я и не заметил.

— Слушай-ка, я иду купаться... да, купаться! Небось и тебе хочется, а? Но тебе, конечно, нельзя, придется работать. Ну конечно, еще бы!

Том посмотрел на него и сказал:

— Что ты называешь работой?

— А разве *это* не работа?

Том снова принялся белить забор и ответил небрежно:

— Может, работа, а может, и нет. Я знаю только одно: Тому Сойеру она по душе.

— Да что ты? Уж не хочешь ли ты сказать, что для тебя это занятие приятное?

Кисть продолжала гулять по забору.

— Приятное? А что же в нем такого неприятного? Разве мальчикам каждый день достается белить заборы?

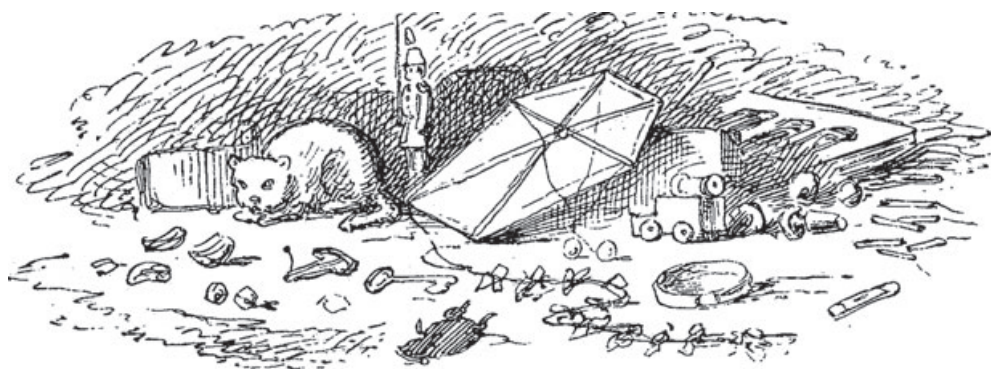
Дело представилось в новом свете. Бен перестал грызть яблоко. Том с упоением художника водил кистью взад и вперед, отступал на несколько шагов, чтобы полюбоваться эффектом, там и сям добавлял штришок и снова критически осматривал сделанное, а Бен следил за каждым его движением, увлекаясь все больше и больше. Наконец сказал:

— Слушай, Том, дай и *мне* побелить немножко!

Том задумался и, казалось, был готов согласиться, но в последнюю минуту передумал:

— Нет, нет, Бен... Все равно ничего не выйдет. Видишь ли, тетя Полли ужасно привередлива насчет этого забора: он ведь выходит на улицу. Будь это та сторона, что во двор, другое дело, но тут она страшно строга — надо белить очень и очень старательно. Из тысячи... даже, пожалуй, из двух тысяч мальчиков найдется только один, кто сумел бы выбелить его как следует.

— Да что ты? Вот никогда бы не подумал. Дай мне только попробовать... ну хоть немножечко. Будь я на твоём месте, я б тебе дал. А, Том?

— Бен, я бы с радостью, честное слово, но тетя Полли... Вот Джим тоже хотел, да она не позволила. Просился и Сид — не пустила. Теперь ты понимаешь, как мне трудно доверить эту работу тебе? Если ты начнешь белить, да вдруг что-нибудь выйдет не так...

— Вздор! Я буду стараться не хуже тебя. Мне бы только попробовать! Слушай: я дам тебе серединку вот этого яблока.

— Ладно! Впрочем, нет, Бен, лучше не надо... боюсь я...

— Я дам тебе *все* яблоко — все, что осталось.

Том вручил ему кисть с видимой неохотой, но с тайным восторгом в душе. И пока бывший пароход «Большая Миссури» трудился и потел на припеке, отставной художник сидел рядом в холодке на каком-то бочонке, болтал ногами, грыз яблоко и расставлял сети для других простаков. В простаках недостатка не было: мальчишки то и дело подходили к забору — подходили зубоскалить, а оставались белить. К тому времени, как Бен выбился из сил, Том уже продал вторую очередь Билли Фишеру за совсем нового бумажного змея; а когда и Фишер устал, его сменил Джонни Миллер, внеся в виде платы дохлую крысу на длинной веревочке, чтобы удобнее было эту крысу вертеть, — и так далее, и так далее, час за часом. К полудню Том из жалкого бедняка, каким он был утром, превратился в богача, буквально утопающего в роскоши. Кроме вещей, о которых мы сейчас говорили, у него оказались двенадцать алебастровых шариков, обломок зубной «гуделки», осколок синей бутылки, чтобы глядеть сквозь него, пушка, сделанная из катушки для ниток, ключ, который ничего не хотел отпирать, кусок мела, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопущек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник — без собаки, — рукоятка ножа, четыре апельсиновые корки и старая, сломанная оконная рама.

Том приятно и весело провел время в большой компании, ничего не делая, а на заборе оказалось целых три слоя известки! Если бы известка не кончилась, он разорил бы всех мальчиков этого города.

Том сказал себе, что, в сущности, жизнь не так уж пуста и ничтожна. Сам того не ведая, он открыл великий закон, управляющий поступками людей, а именно: для того чтобы взрослый или мальчик страстно захотел обладать какой-нибудь вещью, пусть эта вещь достанется ему возможно труднее. Если бы он был таким же великим мудрецом, как и автор этой книги, он понял бы, что Работа есть то, что мы *обязаны* делать, а Игра есть то, что мы не обязаны делать. И это помогло бы ему уразуметь, почему изготавливать бумажные цветы или, например, вертеть мельницу — работа, а сбивать кегли и восходить на Монблан — удовольствие. В Англии есть богачи-джентльмены, которые в летние дни управляют четверкой, везущей омнибус за двадцать — тридцать миль, только потому, что это благородное занятие стоит им значительных денег; но, если бы им предложили жалованье за тот же нелегкий труд, развлечение стало бы работой и они сейчас же отказались бы от нее.

Некоторое время Том не двигался с места; он размышлял над той существенной переменной, какая произошла в его жизни, а потом направил свои стопы в главный штаб — рапортовать об окончании работы.

Глава III
ЗАНЯТ ВОЙНОЙ
И ЛЮБОВЬЮ

Том предстал перед тетей Полли, сидевшей у открытого окошка в уютной задней комнате, которая была одновременно и спальней, и гостиной, и столовой, и кабинетом.

Благодатный летний воздух, безмятежная тишина, запах цветов и убаюкивающее жужжание пчел произвели на нее свое действие: она клевала носом над вязанием, ибо единственной ее собеседницей была кошка, да и та дремала у нее на коленях. Для безопасности очки были подняты вверх и покоились на ее сединах.

Она была твердо уверена, что Том, конечно, уже давно убежал, и теперь удивилась, как это у него хватает храбрости являться к ней за суровой расправой.

Том вошел и спросил:

- А теперь, тетя, можно пойти поиграть?
- Как! Уже? Сколько же ты сделал?
- Все, тетя!
- Том, не лги! Я этого не выношу.
- Я не лгу, тетя. Все готово.

Тетя Полли не поверила. Она пошла посмотреть своими глазами. Она была бы рада, если бы слова Тома оказались правдой хотя бы на двадцать процентов. Когда же она убедилась, что весь забор выбелен, и не только выбелен, но и покрыт несколькими густыми слоями извести, и даже по земле вдоль забора проведена белая полоса, ее изумлению не было границ.

— Ну, знаешь, — сказала она, — вот уж никогда не подумала бы... Надо отдать тебе справедливость, Том, ты можешь работать, когда захочешь. — Тут она сочла нужным смягчить комплимент и добавила: — Только очень уж редко тебе этого хочется. Это тоже надо сказать. Ну, иди играй. И смотри не забудь воротиться домой на этой неделе. Не то у меня расправа короткая!

Тетя Полли была в таком восхищении от его великого подвига, что повела его в чулан, выбрала и вручила ему лучшее яблоко, сопровождая подарок небольшой назидательной проповедью о том, что всякий предмет, доставшийся нам ценой благородного, честного труда, кажется нам слаще и милее.

Как раз в ту минуту, когда она заканчивала речь подходящим текстом из Евангелия, Тому удалось стянуть пряник.

Он выскочил во двор и увидел Сид. Сид только что стал подниматься по лестнице. Лестница была снаружи дома и вела в задние комнаты второго этажа. Под рукой у Тома оказались очень удобные комья земли, и в одно мгновение воздух наполнился ими. Они бешеным градом осыпали Сид. Прежде чем тетя Полли пришла в себя и подоспела на выручку, шесть или семь комьев уже попали в цель, а Том перемахнул через забор и скрылся. Существовала, конечно, калитка, но у Тома обычно не было времени добежать до нее. Теперь, когда он рассчитался с предателем Сидом, указавшим тете Полли на черную нитку, в душе у него воцарился покой.

Том обогнул улицу и юркнул в пыльный закоулок, проходивший у задней стены теткиного коровника. Скоро он очутился вне всякой опасности. Тут ему нечего было бояться, что его поймают и накажут. Он направился к городской площади, к тому месту, где, по предварительному уговору, уже сошлись для сражения две армии. Одной из них командовал Том, другой — его закадычный приятель Джо Гарпер. Оба великих военачальника не снисходили до того, чтобы лично сражаться друг с другом, — это больше пристало мелкоте; они руководили сражением, сидя рядом на горке и отдавая приказы через своих адъютантов. После долгого и жестокого боя армия Тома одержала победу. Оба войска сосчитали убитых, обменялись пленными, договорились о том, из-за чего произойдет у них новая война, и назначили день следующей решающей битвы.

Затем обе армии выстроились в шеренгу и церемониальным маршем покинули поле сражения, а Том направился домой один.

Проходя мимо дома, где жил Джефф Тэчер, он увидел в саду какую-то новую девочку — прелестное голубоглазое создание с золотистыми волосами, заплетенными в две длинные косички, в белом летнем платьице и вышитых панталончиках. Герой, только что увенчанный славой, был сражен без единого выстрела. Некая Эмми Лоренс тотчас же исчезла из его сердца, не оставив там даже следа. А он-то воображал, что любит Эмми Лоренс без памяти, что обожает ее! Оказывается, это было лишь мимолетное увлечение, не больше. Несколько месяцев он добивался ее любви. Всего неделю назад она призналась, что любит

его. В течение этих семи кратких дней он с гордостью считал себя счастливейшим мальчиком в мире, и вот в одно мгновение она ушла из его сердца, как случайная гостья, приходившая на минуту с визитом.

С набожным восторгом взирал он украдкой на этого нового ангела, пока не убедился, что ангел заметил его. Тогда он сделал вид, будто не подозревает о присутствии девочки, и начал «фигурять» перед ней, выкидывая (как принято среди мальчуганов) разные нелепые штуки, чтобы вызвать ее восхищение. Несколько времени проделывал он все эти затейливо-вздорные фокусы. Вдруг посреди какого-то опасного акробатического трюка глянул в ту сторону и увидел, что девочка повернулась к нему спиной и направляется к дому. Том подошел ближе и уныло облокотился на забор; ему так хотелось, чтобы она побыла в саду еще немного... Она действительно чуть-чуть задержалась на ступеньках, но затем шагнула прямо к двери. Том тяжело вздохнул, когда ее нога коснулась порога, и вдруг все его лицо просияло: прежде чем скрыться за дверью, девочка оглянулась и бросила через забор цветок маргаритки.

Том обежал вокруг цветка, а затем в двух шагах от него приставил ладонь к глазам и начал пристально вглядываться в дальний конец улицы,

будто там происходит что-то интересное. Потом поднял с земли соломинку и поставил ее себе на нос, стараясь, чтобы она сохраняла равновесие, для чего закинул голову далеко назад. Балансируя, он все ближе и ближе подходил к цветку, наконец наступил на него босою ногой, захватил его гибкими пальцами, поскакал на одной ноге и скоро скрылся за углом, унося с собой свое сокровище. Но скрылся он всего лишь на минуту, пока расстегивал куртку и прятал цветок на груди, поближе к сердцу или, быть может, к желудку, так как был не особенно силен в анатомии и не слишком разбирался в подобных вещах.

Затем он вернулся и до самого вечера околачивался у забора, по-прежнему выделявая разные штуки. Девочка не показывалась; но Том тешил себя надеждой, что она стоит где-нибудь у окошка и видит, как он усердствует ради нее. В конце концов он неохотно поплелся домой, и его бедная голова была полна фантастических грез.

За ужином он все время был так возбужден, что его тетка дивилась: что такое стряслось с ребенком? Получив хороший нагоняй за то, что кидал в Сиду комками земли, Том, по-видимому, не огорчился нисколько. Он попробовал было стянуть кусок сахара из-под носа у тетки и получил за это по рукам, но опять-таки не обиделся и только сказал:

— Тетя, ведь не бьете вы Сиду, когда он таскает сахар!

— Сид не мучит людей, как ты. Если за тобой не следить, ты не вылезал бы из сахарницы.

Но вот тетка ушла на кухню, и Сид, счастливый своей безнаказанностью, тотчас же потянулся к сахарнице, как бы издеваясь над Томом. Это было прямо нестерпимо! Но сахарница выскользнула у Сиды из пальцев, упала на пол и разбилась. Том был в восторге, в таком восторге, что удержал свой язык и даже не вскрикнул от радости. Он решил не говорить ни слова, даже когда войдет тетка, а сидеть тихо и смирно, пока она не спросит, кто это сделал. Вот тогда он расскажет все, и весело ему будет глядеть, как она расправится со своим примерным любимчиком. Что может быть приятнее этого! Он был так переполнен злорадством, что едва мог хранить молчание, когда воротилась тетка и встала над осколками сахарницы, мечя мол-

нии гнева поверх очков. Том сказал себе: «Вот оно, начинается!..» Но в следующую минуту он уже лежал на полу! Властная рука занеслась над ним снова, чтобы снова ударить его, когда он со слезами воскликнул:

— Пойдите! Пойдите! За что же вы бьете *меня*? Ведь разбил ее Сид!

Тетя Полли остановилась в смущении. Том ждал, что она сейчас пожалеет его и тем загладит свою вину перед ним. Но едва к ней вернулся дар слова, она только и сказала ему:

— Гм! Ну все-таки, по-моему, тебе досталось недаром. Уж наверно ты выкинул какую-нибудь новую штуку, пока меня не было в комнате.

Тут ее упрекнула совесть. Ей очень захотелось сказать мальчугану что-нибудь задушевное, ласковое, но она побоялась, что, если она станет нежничать с ним, он, пожалуй, подумает, будто она признала себя виноватой, а этого не допускала дисциплина. Так что она не сказала ни слова и с тяжелым сердцем занялась обычной работой. Том дулся в углу и растревлял свои раны. Он знал, что в душе она стоит перед ним на коленях, и это сознание доставляло ему мрачную радость. Он решил не замечать заискиваний с ее стороны и не показывать ей, что он видит ее душевные муки. Он знал, что время от времени она обращает на него горестный взгляд и что в глазах ее слезы, но не желал обращать на это никакого внимания. Он представлял себе, как он лежит больной, умирающий, а тетка наклонилась над ним и закликает его, чтобы он сказал ей хоть слово прощения; но он поворачивается лицом к стене и умирает, не сказав этого слова. Каково-то ей будет тогда? Он представлял себе, как

его приносят домой мертвым: его только что вытащили из реки, кудри его намокли, и его страдающее сердце успокоилось навеки. Как она бросится на его мертвое тело, и ее слезы польются дождем, и ее губы будут молить Господа Бога, чтобы он вернул ей ее мальчика, которого она никогда, никогда не станет наказывать зря! Но он по-прежнему будет лежать бледный, холодный, без признаков жизни — несчастный маленький страдалец, муки которого прекратились навек! Он так расстроил себя этими скорбными бреднями, что слезы буквально душили его, и ему приходилось глотать их. Все туманилось перед ним из-за слез. В его глазах скопилось столько влаги, что всякий раз, когда ему приходилось мигнуть, она избыточно текла у него по лицу и капала с кончика носа. И ему было так приятно увлажнить свою душу печалью, что он не мог допустить, чтобы в нее вторгались какие-нибудь житейские радости. Всякое наслаждение только раздражало его — такой святой казалась ему его скорбь. Поэтому, когда в комнату влетела, приплясывая, его двоюродная сестра Мэри, счастливая, что наконец вернулась домой после долгой отлучки, длившейся целую вечность — то есть неделю, — он, мрачный и пасмурный, встал и вышел в одну дверь, в то время как песни и солнце входили вместе с Мэри в другую.

Он бродил вдали от тех мест, где обычно собирались мальчишки. Его манили уединенные уголки, такие же печальные, как его сердце. Бревенчатый плот на реке казался ему привлекательным; он сел на самый край, созерцая унылую водную ширь и мечтая о том, как хорошо было бы утонуть в одно мгновение, даже не почувствовав этого и не подвергая себя никаким неудобствам. Потом он вспомнил о своем цветке, достал его из-под куртки — уже увядший и смятый, — и это еще более усилило его сладкую скорбь. Он стал спрашивать себя, пожалела бы его она, если бы знала, какая тяжесть у него на душе? Заплакала бы она и захотела бы обвить его шею руками и утешить

его? Или она отвернулась бы от него равнодушно, как теперь отвернулся от него пустой и холодный свет? Мысль об этом наполнила его такой приятной тоской, что он стал перетряхивать ее на все лады, покуда она не истрепалась до нитки. Наконец он встал со вздохом и ушел в темноту.

В половине десятого — или в десять часов — он очутился на безлюдной улице, где жила Обожаемая Незнакомка; он приостановился на миг и прислушался — ни звука. В окне второго этажа тусклая свеча озаряла занавеску... Не эта ли комната очастливлена светлым присутствием его Незнакомки? Он перелез через изгородь, тихонько пробрался сквозь кусты и стал под самым окном. Долго он смотрел на это окно с умилением, потом лег на спину, сложив на груди руки и держа в них свой бедный, увядший цветок. Вот так он хотел бы умереть — брошенный в этот мир равнодушных сердец: под открытым небом, не зная, куда приклонить бесприютную голову; ничья дружеская рука не сотрет смертного пота у него со лба, ничье любящее лицо не склонится над ним с состраданием в часы его последней агонии. Таким она увидит его завтра, когда выглянет из этого окна, любуясь веселым рассветом, — и неужели из ее глаз не упадет ни единой слезинки на его безжизненное, бедное тело, неужели из ее груди не вырвется ни единого слабого вздоха при виде этой юной блистательной жизни, так грубо растоптанной, так рано подкошенной смертью?

Окно распахнулось. Визгливый голос служанки осквернил священное безмолвие ночи, и целый поток воды окатил останки распростертого мученика!

Фыркая и встряхиваясь, ошеломленный герой вскочил на ноги. Вскоре в воздухе подобно снаряду просвистел некий летящий предмет, послышалось негромкое ругательство, раздался звон разбитого стекла, и небольшая, еле заметная тень перелетела через забор и скрылась во мраке.

Когда Том, уже раздевшись, обозревал свою промокшую одежду при свете сального огарка, проснулся Сид. Быть может, и было у него смутное желание высказать несколько замечаний по поводу недавних обид, но он сразу передумал и лежал очень тихо, так как в глазах у Тома он заметил угрозу.

Том улегся, не утруждая себя вечерней молитвой, и Сид про себя отметил это упущение.

ТОМ СОЙЕР ЗА ГРАНИЦЕЙ

Глава I

ТОМ ИЩЕТ НОВЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Думаете, Том Сойер уgomонился после всех наших походов? Я имею в виду то время, когда мы сплавились по реке и освободили негра Джима, а Тому прострелили ногу. Ничего подобного! Ему захотелось еще больше, только и всего. Понимаете, когда мы втроем вернулись из долгих странствий, так сказать, в блеске славы, и городок приветствовал нас факельным шествием и торжественными речами, а все вокруг кричали и ликовали, то мы превратились в героев... а Том Сойер всегда желал стать героем.

На какое-то время он и впрямь успокоился. Все его хвалили, а он задирал нос и расхаживал с таким видом, словно все вокруг принадлежало ему. Некоторые называли его Томом Путешественником, и он просто раздувался от гордости. Он, видите ли, совершенно затмил нас, потому что мы всего лишь спустились по реке на плоту и вернулись на пароходе, но Том прокатился на пароходе туда и обратно. Конечно, ребята завидовали мне и Джиму, зато перед Томом они были готовы ползать на коленях.

Уж не знаю; наверное, он мог бы уgomониться, если бы не наш почтмейстер, старина Нат Парсонс, — такой худой, долговязый и почти совсем лысый из-за почтенного возраста. Нат был добродушным, глуповатым и, пожалуй, самым болтливым старичком, какого мне доводилось знать. Уже тридцать лет он был единственным человеком в нашем городке, который имел репутацию — то есть репутацию путешественника, — и, само собой, он жутко гордился этим. Люди считали, что за эти годы он уже миллион раз рассказал о своем путешествии и каждый раз получал удовольствие. А теперь появился мальчишка, которому еще и пятнадцати-то не исполнилось, и заставляет всех восхищаться *его* путешествиями! Ясно, что бедного старика едва удар не хватил. Ему тошно было слушать Тома и слышать, как люди говорят: «Ничего себе!», «Да не

может быть!», «Чтоб я пропал!» и тому подобные вещи, но он не мог оторваться, словно муха, увязшая в патоке. А когда Том делал передышку, наш бедняга вылезал со *своими* старинными путешествиями и расписывал их до посинения, да только они уже выцвели и почти ничего не стоили, так что это было жалкое зрелище. А потом Том делал следующий заход, но, как только он умолкал, старикашка начинал гнуть свое, и так далее, по часу и больше, и каждый старался переплюнуть другого.

Вот как оно случилось с Парсонсом: когда его назначили почтмейстером и он был еще новичком в этом деле, пришло письмо для человека, про которого здесь никто даже не слышал. Ну, он не знал, что нужно предпринять, и письмо пролеживало на месте неделю за неделей, пока Ната не начало корезить от одного его вида. К тому же почтовый сбор остался неоплаченным. Вот он и решил, что правительство сочтет его виноватым, а кроме того, может выставить его за дверь, раз уж он не смог взыскать законные десять центов. В конце концов, он больше не мог этого вынести. Он не спал по ночам, перестал есть, пока не превратился в тень, но ни к кому не обращался за советом, поскольку думал, что любой может выдать его и написать донос правительству. Он спрятал письмо под половицей, но толку от этого не вышло; если он видел человека, стоявшего в том месте, его бросало в дрожь от дурных предчувствий. Тогда он оставался на работе до полуночи, пока все не засыпало, а потом доставал письмо и перепрятывал в другом месте. Само собой, люди начали сторониться его, качать головами и шептаться у него за спиной: ведь, судя по его виду и поведению, он кого-то убил или совершил нечто ужасное. Они не знали, что это такое, но, если бы он был чужаком, они бы линчевали его.

Ну вот, как я сказал, он больше не мог этого вынести, поэтому решил поехать в Вашингтон, дойти до президента Соединенных Штатов и выложить все как на духу, а потом достать письмо, положить его перед правительством и сказать: «Делайте со мной, что пожелаете, хотя Бог свидетель: я ни в чем не виноват и не заслуживаю наказания по всей строгости закона, а моя семья будет голодать и страдать без вины. Это чистая правда, и я могу поклясться в этом».

Так он и сделал. Он немного проехал на пароходе и еще немного в почтовом дилижансе, но большую часть пути проделал верхом, и у него ушло три недели, чтобы добраться до Вашингтона. По пути он побывал в самых разных местах, повидал много селений и четыре города. Его не было почти два месяца, а когда он вернулся, то возгордился сверх всякой меры. Путешествие сделало его главной достопримечательностью в нашей округе; люди говорили о нем и ехали за тридцать миль из самой глубинки Иллинойса, чтобы только взглянуть на него. Они стояли и глазели, а он заливался соловьем. Вы ничего подобного в жизни не видели.

Поэтому теперь люди никак не могли решить, кто самый великий путешественник: некоторые указывали на Ната, другие на Тома. Все соглашались, что Нат проехал больше по долготе, но приходилось признать, что Том с лихвой возместил отставание по широте и климату. Дело зашло в тупик, поэтому оба стали раздувать свои опасные приключения, чтобы хоть *так* превзойти друг друга. Нату Парсонсу трудно было тягаться с простреленной ногой Тома, но он старался, как мог, хотя и находился в невыгодном положении. Ведь Том не сидел на месте, как полагалось бы по справедливости, а вставал и начинал хромать взад-вперед, пока Нат расписывал свои приключения в Вашингтоне, и не отказался от хромоты, когда выздоровел, и упражнялся дома по вечерам, и хромал ничуть не хуже, чем с самого начала.

С Натом вот что приключилось; не знаю, правда ли это или он вычитал в газете или еще где, но, надо отдать ему должное, рассказчиком он был отменным. Он мог нагнать страху на любого, он бледнел и задерживал дыхание, так что женщины и девчонки чуть в обморок не падали. Вот как оно было, насколько я помню.

Он прискакал в Вашингтон, поставил лошадь в конюшню и вломился прямо в дом к президенту со своим письмом. Но там ему сказали, что президент уехал в Капитолий и собирается отбыть в Филадельфию, так что нельзя терять ни минуты, если он хочет догнать его. Тут Нату стало так плохо, что хоть ложись и помирай. Лошади у него не было, и он не знал, что делать. Но вдруг подкатил какой-то негр на старой коляске, и он увидел свой шанс. Он бросился вперед и крикнул:

— Даю полдоллара, если довезешь меня до Капитолия за полчаса, и еще четвертак, если успеешь за двадцать минут!

— Идет! — согласился негр.

Нат прыгнул в коляску, захлопнул дверцу, и они с лязгом и грохотом погнали по самой жуткой дороге, какая только есть на свете. Нат продел руки в петли и держался изо всех сил, но коляска внезапно налетела на камень, дно отвалилось, а потом он понял, что бежит по земле и, если он не успеет за лошадьми, тут ему и крышка. Он ужасно испугался, но помчался изо всех сил, крепко ухватившись за петли, так что его ноги едва не летели по воздуху. Он орал и умолял кучера остановиться, и люди по обе стороны улицы делали то же самое, потому что видели, как быстро он перебирает ногами, а голова и плечи болтаются внутри, и все понимали, в какой страшной опасности он находится. Но чем больше они кричали, тем сильнее негр нахлестывал лошадь и вопил: «Не бойтесь, мастер, я вас доставлю точно к сроку, уж будьте уверены!» Ему-то казалось, что все его торопят, и, само собой, он ничего не мог слышать из-за лязга и грохота. Так они и неслись вперед, и людей жуть пробирала

от этого зрелища, и когда они наконец добрались до Капитолия, все говорили, что это была самая быстрая поездка, которую они видели. Лошади встали, и Нат свалился без сил, весь покрытой пылью, в изорванной одежде и босой; но он успел как раз вовремя, застал президента, вручил ему письмо, так что все закончилось как нельзя лучше, и президент помиловал его на месте, а потом Нат дал негру два четвертака вместо одного, потому что понимал: без этой коляски он никак бы не поспел вовремя, даже и думать нечего.

Да, это было славное приключение, и Тому Сойеру приходилось мастерски козырять своей раной, чтобы побить карту Ната.

Но постепенно слава Тома начала тускнеть, поскольку у людей появлялись другие темы для разговоров — сначала лошадиные скачки, потом сгоревший дом, а еще приезд цирка, и наконец, солнечное затмение — а это, как обычно, вызвало переполох и закончилось молитвенным собранием, — так что теперь больше никто не говорил о Томе, и он был вне себя от возмущения.

Совсем скоро Том загрустил и стал хандрить целыми днями, и, когда я спросил, что с ним стряслось, он ответил, что у него просто сердце рывается, когда он думает, как проходит время и он стареет, а рядом нет даже завалющейся войны, которая помогла бы ему прославиться. По правде говоря, мальчишки всегда так думают, но, насколько мне известно, он был первым, кто открыто заявил об этом.

Поэтому он засел за работу и стал строить планы, как сделаться знаменитым; вскоре он нашел решение и предложил мне с Джимом присоединиться к нему. Надо сказать, Том был щедрым в этом отношении и охотно делился своими задумками. Есть целая куча ребят, которые становятся жутко любезными и дружелюбными, когда с вами случилось что-то хорошее, но, если хорошее случается с ними, они вам слова доброго не скажут и постараются все захватить себе. Но за Томом Сойером такого не водилось. Многие мальчишки будут пресмыкаться перед тобой и выпрашивать огрызок, если у тебя есть яблоко, но, когда у них есть яблоко и ты просишь огрызок, они скажут, что до смерти тебя не забудут, но ничего ты у них не допросишься. Но я заметил, что они всегда получают по заслугам; нужно лишь немного подождать.

Ну вот, поднялись мы на холм в лесу, и Том сказал, что собирается устроить крестовый поход.

— Что это за штука такая? — спрашиваю я.

Он презрительно скривился, как будто ему было стыдно за меня, и говорит:

— Гек Финн, неужто ты не знаешь, что такое крестовый поход?

— Не знаю и знать не хочу, — отвечаю я. — До сих пор как-то обходился без этого и оставался жив-здоров. Но как только ты мне расскажешь, я узнаю, а это будет скоро. Не вижу смысла узнавать разные вещи и забивать ими голову, если мне, может, никогда не придется ими пользоваться. Вот Лэнс Уильям учился говорить на языке чокто¹, пока один из них не явился и не выкопал ему могилу. Ну, так что такое крестовый поход? Но сначала скажу тебе одну вещь: если на это нужно получить патент, то от него не будет никакой пользы. Вот Билл Томпсон, так он...

— Патент! — говорит он. — Никогда не видел такого идиота! Крестовый поход — это вроде войны.

Тут я подумал, что он тронулся умом. Но нет, он был совершенно серьезен и спокойно продолжал:

— Крестовый поход — это война за то, чтобы отбить Святую землю у язычников.

— Какую такую Святую землю?

— Ну, Святая земля... она только одна и есть.

— На что она нам сдалась?

— Разве непонятно? Она находится в руках язычников, и наш долг — отобрать ее у них.

¹ Ч о к т о — коренные жители нынешних штатов Миссисипи, Алабама и Луизиана. — *Здесь и далее прим. пер.*

— А как мы позволили им захватить ее?

— Мы ничего такого не делали. Они всегда ею владели.

— Но тогда она принадлежит им, верно?

— Само собой. А кто говорил, что нет?

Я немного поразмыслил, но никак не мог разобраться, в чем суть дела.

— Это уж слишком, Том Соьер, — говорю я. — Если у меня есть ферма, а другой человек хочет отобрать ее у меня, разве будет справедливо...

— Что за ерунда! Ты муху от котлеты не отличишь, Гек Финн. Это не ферма, а совсем другое. Вот смотри: они владеют землей, просто землей, и ничем больше. Но наши парни, иудеи и христиане, сделали ее священной, так что у них нет никакого права осквернять ее своим присутствием. Это позор, и мы не можем терпеть ни минуты. Мы должны выступить против них и забрать ее.

— Слушай, это самое запутанное дело, какое я только видел! Если у меня есть ферма, а другой человек...

— Разве я не говорил, что это не имеет ничего общего с фермерством? Фермерство — это дело, обычное мелкое дело, и все тут. Но тут нечто гораздо более возвышенное. Речь идет о вере, а это совсем другое.

— Разве верующий человек может отбирать землю у тех, кому она принадлежит?

— Само собой; так оно всегда и бывало.

Джим покачал головой и говорит:

— Масса Том, я думаю, здесь какая-то ошибка, это уж точно. Я сам верующий и знаю многих набожных людей, но не встречал никого, кто бы так поступал.

Тут Том разгорячился не на шутку и говорит:

— Вы такие тупые невежды, что слушать тошно! Если бы вы хоть немного читали про историю, то знали бы, что Ричард Львиное Сердце, папа римский, Готфрид Бульонский и множество благороднейших, самых благочестивых людей больше двухсот лет били и громили язычников, чтобы отобрать у них Святую землю, и пролили реки крови. А вы, пара неотесанных деревенщин из Миссури, сидите в глуши и думаете, будто лучше разбираетесь, что правильно, а что нет! Ну и нахалы!

Тут, конечно, дело представилось в ином свете, и мы с Джимом почувствовали себя болванами и пожалели о своем невежестве. Мы с Джимом помолчали, а потом он говорит:

— Думаю, тогда все в порядке, потому что если они не знали, как это сделать, то нам, бедным дуракам, и подавно не узнать; но, если это наш долг, мы должны постараться исполнить его и сделать, что сможем. И все-таки, масса Том, мне жалко этих язычников. Как-то трудно убивать людей, с которыми ты не знаком и которые тебе ничего плохого не

сделали. Так уж получается, понимаете. Если бы мы втроем оказались среди них и сказали, что голодны, то, может, они бы оказались такими же, как другие нормальные люди. Как думаете? Думаю, они бы накормили нас, как полагается, и тогда...

— Что тогда?

— Ну, масса Том, вот что я думаю. Ничего у нас не получится: мы *не сможем* убивать незнакомых людей, которые не причинили нам вреда, пока не наберемся опыта, — я это хорошо знаю, масса Том, уж я-то знаю. Но если мы возьмем парочку топоров, — только вы, я и Гек, — да переправимся сегодня ночью через реку после захода луны, да перебьем ту дурную семью, что живет возле Сная, да сожжем их дом...

— Ох, мне это осточертело! — говорит Том. — Не хочу больше спорить с такими упрямыми, как вы с Геком. Вы все время уходите от сути, и вам не хватает мозгов понять, чем отличается настоящее богословие от законов о защите недвижимого имущества!

Пожалуй, это было несправедливо со стороны Тома Сойера. Джим не хотел расстраивать его, и я тоже. Мы уразумели, что он был прав; мы всего лишь хотели разобраться, в чем суть дела, и не более того. Он не смог доходчиво объяснить свой план, потому что мы были невеждами, да притом и туповатыми — я не отрицаю! — но, в конце концов, это не преступление.

Но он больше ничего не хотел слышать об этом, только сказал, что если бы мы взялись за дело с надлежащим энтузиазмом, то он бы собрал пару тысяч рыцарей, заковал их в сталь с ног до головы и сделал бы меня лейтенантом, Джима маркизантом, а сам бы стал главнокомандующим и смел бы язычников в море, словно рой мух, а потом вернулся бы победным маршем через весь мир в блеске славы, подобном солнечному закату. Но он добавил, что мы не смогли распознать свой шанс на удачу, когда появилась возможность, и что больше он не станет нам ничего предлагать. Так оно и было. Когда Том упрется, его не сдвинешь с места.

Но меня это ничуть не тронуло. Я человек миролюбивый и не ввязываюсь в ссоры с людьми, которые не делали мне ничего плохого. Пусть язычники живут, как хотят, а нам и здесь неплохо живется.

На самом деле Том узнал об этом плане из книги Вальтера Скотта, которую он постоянно читал. И это был совершенно безумный план. По моему, он никогда бы не собрал столько людей, а если бы и собрал, то еще неизвестно, кто бы кого побил. Я взял эту книгу и прочитал от корки до корки. Насколько мне удалось понять, большинство ребят, которые забросили свою землю и подались в крестоносцы, потом крепко пожалели об этом.

Глава II

ПОДЪЕМ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

В общем, Том составлял один план за другим, но в каждом из них обнаруживался какой-нибудь изъян, и ему приходилось откладывать их в сторону. Он пришел в отчаяние. Тогда в газетах Сент-Луиса было много разговоров о воздушном шаре, который собирался полететь в Европу, и Тому вроде бы хотелось посмотреть, как это выглядит, но он все не мог собраться с духом. Между тем газетная шумиха продолжалась, и он заподозрил, что если не отправиться теперь, то ему больше не выпадет случай посмотреть на воздушный шар. А потом он узнал, что Нат Парсонс собирается ехать туда, и, само собой, это решило дело. Том не собирался слушать хвастливую болтовню Ната Парсонса о воздушном шаре, если ему самому придется сидеть в сторонке и помалкивать. Поэтому он предложил нам с Джимом присоединиться к нему, и мы согласились.

Это был знатный шар — большой и красивый, с крыльями, пропеллерами и разными другими штуками, не похожий на другие шары, которые вы могли видеть на рисунках. Он размещался на окраине города, на пустыре в конце Двенадцатой улицы. Вокруг собралась большая толпа, и люди всю потешались над ним и над его изобретателем — тощим бледным типом с такими, знаете ли, немного безумными глазами, — они все твердили, что шар не полетит. Такие речи бесили его; тогда он поворачивался, грозил кулаком и называл их скотами и слепцами, которые когда-нибудь узнают, что стояли лицом к лицу с одним из тех людей, которые возвеличивают народы и строят цивилизации, но были слишком тупы, чтобы понять это. А именно на этом самом месте их дети и внуки воздвигнут в его честь монумент, который простоит тысячу лет, но слава его имени переживет и этот монумент. Тогда все вокруг снова заливались смехом и кричали, и спрашивали, какая у него была фамилия до женитьбы, и сколько он возьмет, чтобы никуда не летать, и как звали бабушку сестры его кошки, и тому подобные вещи, которые говорят, когда видят, что приперли беднягу к стенке и хотят как следует помучить его. Кое-что действительно было смешно — да, и очень остроумно, я не отрицаю, — но все равно это нечестно и трусливо, когда все нападают на одного и сразу, то становятся речистыми и язвительными, а ему не хватает красноречия, чтобы ответить им. Но, боже ты мой, зачем ему было огрызаться? Понимаете, ему от этого не было никакого толку, а они только больше глумились над ним. Им хотелось, чтобы он попал впросак. Но думаю, такой уж он был человек, что ничего не мог с собой поделаться. В сущности, он был добрый малый и никому не желал вреда, а в том, что в газетах его называли гением, не было

его вины. Не могут же все быть здравомыслящими людьми; нам приходится быть такими, какие мы есть. Насколько мне известно, гении считают себя всезнайками, не слушают чужих советов и всегда поступают по-своему, отчего все остальные отворачиваются от них и презирают, и это совершенно естественно. Если бы они были поскромнее, слушали и старались учиться, это было бы лучше для них.

Та часть шара, где сидел профессор, была похожа на большую лодку, очень вместительную, с водонепроницаемыми ящиками по сторонам для хранения всевозможных вещей; на них можно было сидеть или спать. Мы поднялись на борт, где уже находилось человек двадцать, которые все рассматривали и повсюду совали свой нос, и старый Нат Парсонс тоже там был. Профессор продолжал возиться с приготовлениями к отлету, и люди стали спускаться один за другим, а старый Нат вышел последним. Само собой, мы не могли позволить ему спуститься после нас. Мы с места не сдвинулись, пока он не вышел, так что должны были стать самыми последними.

Но теперь он спустился на землю, и настал наш черед. Тут я услышал громкий крик, повернулся и увидел, что город стрелой улетает у нас из-под ног! Я так испугался, что меня чуть не вывернуло наизнанку. Джим весь посерел и не мог вымолвить ни слова, и Том тоже молчал, но выглядел взволнованным. Город проваливался все ниже и ниже, а мы как будто висели в воздухе и оставались на месте. Дома уменьшались на глазах; город сжимался все теснее, а люди и повозки стали похожи на жучков и муравьев, ползающих по ниточкам и трещинкам улиц. Потом все смешалось, и от города остался только большой шрам на земле, и мне показалось, будто я могу видеть за тысячу миль вверх и вниз по реке, хотя, ясное дело, никто не может видеть так далеко. Мало-помалу земля превратилась в шар — просто тусклый шар с блестящими полосками, извивавшимися на его поверхности: это были реки. Вдова Дуглас постоянно талдычила, что земля круглая как шар, но я никогда не придавал значения ее предрассудкам, особенно этому, поскольку мог видеть своими глазами, что мир похож на большую плоскую тарелку. Я поднимался на холм и оглядывался вокруг, чтобы лично убедиться в этом, так как считаю, что лучший способ узнать правду о чем-то — пойти и самому посмотреть на это, а не верить кому-то на слово. Но теперь мне пришлось признать, что вдова была права. То есть она была права в отношении всего остального мира, но ошибалась насчет нашего городка и ближайших окрестностей. Клянусь вам, эта часть мира имеет форму плоской тарелки!

Профессор все это время сидел тихо, как будто заснул, но тут его провало, и он был явно не в духе.

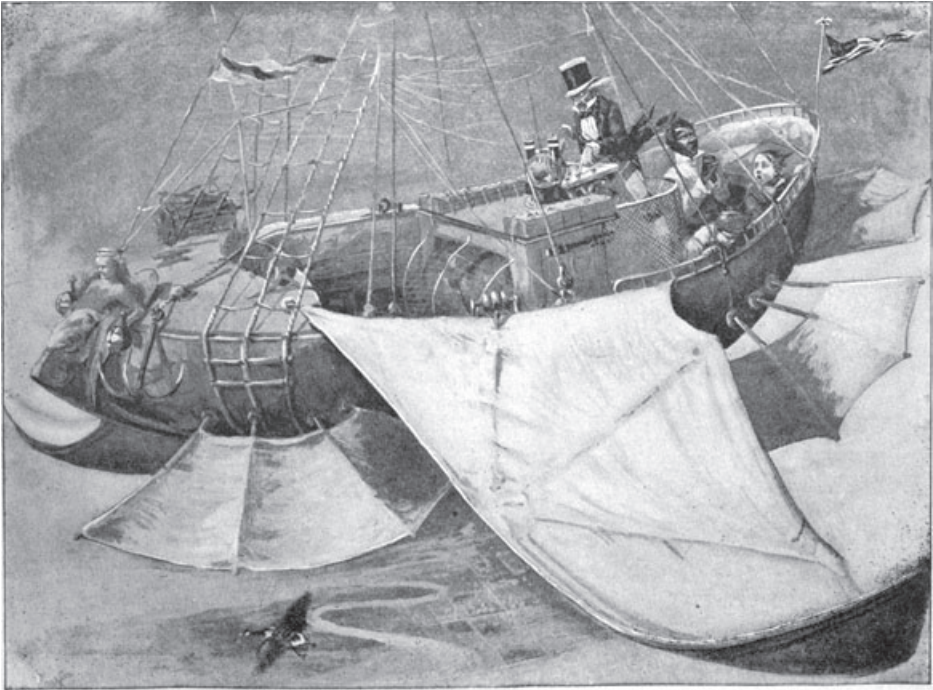
— Идиоты! — говорит он. — Они говорили, что шар не полетит; они хотели изучить его, все тут разнюхать и вытянуть из меня секрет. Но я превзошел их! Никто не знает секрет, кроме меня. Никто не знает, как заставить его двигаться, кроме меня, — и это новая энергия, в тысячу раз сильнее всего, что есть на земле! Пар — чепуха по сравнению с ней! Они говорили, что я не доберусь до Европы. До Европы! У меня хватит энергии на пять лет, а еды на три месяца. Дурачье! Что они знают об этом? Да, и они называли мое воздушное судно непрочным. Да оно прослужит еще пятьдесят лет! Если я захочу, то смогу всю жизнь бороздить небеса и прокладывать курс, куда мне заблагорассудится, хотя они смеялись и говорили, что у меня ничего не получится. Это у меня-то! Иди сюда, мальчик; давай разберемся. Ты будешь нажимать те кнопки, которые я покажу.

Он показал Тому, как разворачивать судно во все стороны, и научил его всему за считанные минуты. Том сказал, что это очень просто. Профессор велел ему опустить судно почти до самой земли и лететь так низко над прериями Иллинойса, что можно было разговаривать с фермерами и прекрасно слышать их ответы, и он бросал им печатные листки, где говорилось о воздушном шаре и о полете в Европу. Том так наловчился, что мог направить шар прямо на дерево, а потом взмыть вверх и пролететь над самой верхушкой. Еще профессор показал Тому, как нужно приземляться, и тот совершил первоклассную посадку в прерии — шар опустился легко, как пушинка. Но как только мы собрались вылезти наружу, профессор крикнул: «Нет, не выйдет!» — и снова поднял шар в воздух. Вот жуть-то! Я начал умолять его, и Джим присоединился ко мне, но профессор только разозлился, стал орать на нас и сверкать глазами, так что я был сам не свой от страха.

Ну, потом он вернулся к своим обидам и стал причитать и ворчать о том, как плохо с ним обходились, а особенно о том, что люди называли его воздушное судно непрочным. Он насмеялся над ними и над их мнением, что устройство шара слишком сложное и он будет постоянно ломаться. Ломаться! Это выводило его из себя; он заявил, что солнечная сестра¹ может сломаться скорее, чем его шар.

Он все больше распалялся; я еще никогда не видел, чтобы люди так расстраивались из-за пустяков. Меня и Джима просто мороз пробирал, когда мы смотрели на него. Мало-помалу он перешел на крики и вопли, а потом поклялся, что мир никогда не узнает его секрет, раз с ним так подло обошлись. Он сказал, что будет летать на своем шаре вокруг света,

¹ Гек ослышался, но, скорее всего, он просто не знал слова «система». В английском произношении слова «сестра» и «система» звучат очень похоже.

чтобы показать, на что он способен, а потом утопит шар в море и нас вместе с ним. Так что, скажу я вам, мы попали в жуткую переделку, и к тому же приближалась ночь!

Он дал нам поесть и велел отойти на другой конец лодки, а сам улегся на ящик, откуда мог присматривать за всеми механизмами, положил под голову старый револьвер-«перечницу»¹ и сказал, что пристрелит любого, кто попытается посадить шар.

Мы сидели, прижавшись друг к другу, и множество мыслей пронеслось у нас в головах, но почти ничего не говорили вслух, лишь изредка перебрасывались словечком, когда становилось невтерпеж; слишком уж взволнованны и напуганны мы были. Ночь тянулась нестерпимо медленно и уныло. Мы летели довольно низко, и луна заливала все вокруг уютным мягким сиянием, так что сельские домики казались милыми и приветливыми, оттуда доносились знакомые звуки, и нам очень хотелось оказаться там, но что поделаешь! Мы лишь проносились мимо как призрак, не оставляя следа.

Посреди ночи — где-то около двух часов, судя по звукам и запахам, разлитым в воздухе, — Том сказал, что профессор лежит очень тихо; наверное, он крепко спит, и нам лучше...

¹ Револьвер без ствола с удлиненным барабаном, из которого вылетали пули.

ТОМ СОЙЕР — СЫЩИК

Глава I

ТОМ И ГЕК ПОЛУЧАЮТ ПРИГЛАШЕНИЕ¹

Это случилось весной, на следующий год после того, как мы с Томом Сойером освободили нашего старого негра Джима, когда его, как беглого раба, посадили на цепь на ферме дяди Сайласа в Арканзасе.

Земля уже начала оттаивать, в воздухе повеяло теплом, и с каждым днем приближалось то блаженное время, когда можно будет бегать босиком, а потом начнется игра «в шарики», «в чижика», можно будет гонять обруч, запускать воздушного змея, — а там, глядишь, уже и лето, и можно купаться. Любой мальчишка в эту пору начинает тосковать и считать дни до лета. В такое время вздыхаешь, грустишь и сам не знаешь, что с тобой творится. Просто места себе не находишь — хандришь, задумываешься о чем-то, и больше всего хочется уйти, чтобы никто тебя не видел, забраться на холм, куда-нибудь на опушку леса, сидеть там и смотреть вдаль на Миссисипи, которая катит свои воды далеко-далеко, на много миль, где леса окутаны словно дымкой и так все вокруг торжественно, что кажется, будто все, кого ты любишь, умерли, и самому тебе тоже хочется умереть и уйти из этого мира.

Вы, конечно, знаете, что это такое? Это весенняя лихорадка. Вот как это называется. И если уж вы подхватили ее, вам хочется — вы даже сами не знаете, чего именно, — но так хочется, что просто сердце щемит. Если разобраться, то, пожалуй, больше всего вам хочется уехать, уехать от одних и тех же знакомых вам мест, которые вы видите каждый день и которые уже осточертели вам; уехать, чтобы увидеть что-нибудь новенькое. Вот что вам хочется — уехать и стать путешественником, вас тянет в далекие страны, где все так таинственно, удивительно и романтично. Ну а

¹ Необычайные события, изложенные в этой повести, не придуманы мною, они имели место в действительности, даже публичное признание подсудимого. Я взял эти факты из старого судебного процесса в Швеции, изменил действующих лиц и перенес действие в Америку. Некоторые детали я добавил, но только одна или две из них являются существенными. (Прим. автора.)

если вы не можете сделать это, то вы согласны и на меньшее: уехать туда, куда возможно, — и на том спасибо.

Так вот, мы с Томом Сойером заболели этой весенней лихорадкой в самой тяжелой форме. Но нечего было и думать, что Тому удастся удрать куда-нибудь, потому что, как он сам объяснил, тетя Полли никогда не позволит ему бросить школу и шататься без дела. Так что настроение у нас с Томом было самое унылое. Сидели мы так однажды вечером на крыльце и болтали, как вдруг выходит тетя Полли с письмом в руке и говорит:

— Том, придется тебе собираться и ехать в Арканзас. Ты зачем-то понадобился тете Салли.

Я чуть не подпрыгнул от радости. Я был уверен, что Том тут же бросится к тетке и задушит ее в объятиях, а он (вы подумайте только) сидел неподвижно, как скала, не вымолвив ни единого слова. Я чуть не заплакал от злости, что он ведет себя как дурак, когда представляется такая замечательная возможность. Ведь все может погибнуть, если он не заговорит и не покажет, как он счастлив и благодарен ей. А Том сидел и раздумывал, пока я от отчаяния уже не знал, что и делать. Наконец он заговорил, да так спокойно, что я просто застрелил бы его, если бы мог.

— Очень жаль, тетя Полли, — сказал он, — ты меня извини, только я сейчас не могу поехать.

Тетя Полли была так огорошена этой хладнокровной дерзостью, что по крайней мере на полминуты лишилась дара речи, а я воспользовался этой передышкой, чтобы подтолкнуть Тома локтем и прошептать:

— Ты что, с ума сошел? Разве можно упускать такой случай?

Но Том даже глазом не моргнул и только шепнул мне в ответ:

— Гек Финн, неужели ты хочешь, чтобы я показал ей, до чего мне хочется поехать? Она тут же начнет сомневаться, воображать всевозможные болезни, опасности, придумывать всякие возражения — и кончится тем, что она передумает. Предоставь это дело мне, я знаю, как с ней обращаться.

Мне все это, конечно, и в голову не пришло бы. Однако Том был прав. Вообще, Том Сойер всегда оказывается прав — второй такой головы я не видывал, — всегда знает, что к чему, и готов к любой случайности.

Тетя Полли пришла наконец в себя и напустилась на Тома:

— Извинить его! Он не может! Да я в жизни ничего подобного не слышала! Да как тебе в голову пришло так разговаривать со мной! Немедленно убирайся отсюда и иди укладывать свои вещи. И если я еще раз услышу хоть слово о том, что ты можешь и что нет, то ты увидишь, как я тебя извиню розгой!

Мы помчались в дом, но она успела шелкнуть Тома наперстком по голове, и Том, взлетая по лестнице, притворился, что хнычет от боли. Очутившись наверху, в своей комнате, Том бросился обнимать меня; он был вне себя от счастья — ведь ему предстояло путешествие! Он сказал мне:

— Мы еще и уехать не успеем, как она начнет жалеть, что отпускает меня, но будет уже поздно. Гордость не позволит ей взять свои слова обратно.

Том собрал вещи в десять минут — все, кроме тех, которые предстояло укладывать тете Полли и Мэри. Потом мы выждали еще десять минут, чтобы тетя Полли успела остыть и вновь стать милой и доброй. Том объяснил мне, что ей требуется не менее десяти минут, чтобы успокоиться, в том случае если она наполовину выведена из себя, и двадцать минут — когда

возмущены все ее чувства; а на этот раз они были возмущены все до единого. Затем мы спустились вниз, сгорая от любопытства и желания узнать, что же написано в письме.

Тетя Полли сидела в мрачной задумчивости, письмо лежало у нее на коленях. Мы присели, и она сказала:

— У них там какие-то серьезные неприятности, и они думают, что ты и Гек поможете им отвлечься, «успокоите» их, как они пишут. Представляю себе, как вы с Гекком Финном «успокоите» их! У них есть сосед по имени Брейс Данлеп, который месяца три ухаживал за Бенни, и наконец они наотрез отказали ему. Теперь он злится на них, и это их очень волнует. Как мне кажется, они считают, что он такой человек, с которым луч-

ше не ссориться, и поэтому они стараются всячески уболагодворить его. Они наняли его никчемного братца в работники, хотя у них нет лишних денег и вообще он им совсем не нужен. Кто такие эти Данлепы?

— Они живут в миле от фермы дяди Сайласа и тети Салли. Там все фермы приблизительно в миле друг от друга. А Брейс Данлеп — самый большой богач во всей округе, и у него целая куча негров. Он вдовец, тридцати шести лет, детей у него нет; он ужасно гордится своими деньгами и очень любит всеми командовать, и все его немного побаиваются. По-моему, он просто уверен, что стоит ему только захотеть и любая девушка с радостью пойдет за него замуж. И то, что он получил отказ от Бенни, конечно, должно было взбесить его. Ведь он вдвое старше Бенни, а она такая милая и такая красивая — ну вы ведь сами видели ее. Бедный дядя Сайлас, подумать только, с чем ему приходится мириться; ему и так туго, а он еще должен нанимать этого бездельника Юпитера Данлепа только ради того, чтобы угодить его братцу.

— Что это еще за имя «Юпитер»? Откуда оно взялось?

— Да это просто прозвище. По-моему, все давным-давно забыли его настоящее имя. Ему сейчас двадцать семь лет, а зовут его так с тех пор, как он впервые пошел купаться. Он разделся, и учитель увидел у него над коленом коричневую родинку величиной с десятицентовую монету, окруженную еще четырьмя маленькими родинками, и сказал, что они похожи на Юпитер и его спутников. Мальчишкам это показалось очень смешным, и они стали называть его Юпитером. Так он и остался Юпитером. Он высокий, ленивый, хитрый, трусливый, а в общем — довольно добродушный парень. У него длинные каштановые волосы, а борода у него не растет. У него никогда нет ни цента, Брейс кормит его, дает ему свою старую одежду и ни в грош его не ставит. А вообще, у Юпитера был еще один брат — близнец.

— А какой он?

— Говорят, точная копия Юпитера. Во всяком случае, был таким; только он вот уже семь лет как пропал. Он начал воровать, когда ему было лет девятнадцать-двадцать, и его засадили в тюрьму. А он удрал и исчез — сбежал куда-то на север. Иногда до них доходили слухи, что он занимается воровством и грабежами, но это было давно. Теперь он уже помер. Во всяком случае, они так говорят. Они ничего о нем с тех пор не слышали.

— А как его звали?

— Джек.

Наступило длительное молчание — тетя Полли думала. Наконец она сказала:

— Тетю Салли больше всего беспокоит то, что этот Юпитер доводит дядю до бешенства.

Том очень удивился, да и я тоже.

— До бешенства? Дядю Сайласа? Убей меня бог, тетя, вы шутите! Я не представляю себе, чтобы его вообще можно было рассердить.

— Во всяком случае, тетя Салли пишет, что этот Юпитер доводит дядю просто до бешенства. Временами дядя доходит до того, что может ударить Юпитера.

— Тетя Полли, этого не может быть. Дядя Сайлас мягок, как каша.

— И все-таки тетя Салли волнуется. Она пишет, что из-за этих ссор дядя Сайлас совершенно переменялся. Все соседи уже говорят об этом и, конечно, обвиняют дядю Сайласа, потому что он проповедник и не должен ссориться. Тетя Салли пишет, что ему так стыдно, что он с трудом заставляет себя читать проповеди; и все стали хуже к нему относиться, и его теперь любят гораздо меньше, чем раньше.

— Ну и дела! Вы ведь знаете, тетя Полли, дядя Сайлас всегда был таким добрым, таким рассеянным, не от мира сего — ну просто как ангел! И что с ним произошло, ума не приложу!

Глава II ДЖЕК ДАНЛЕП

Нам здорово повезло — мы попали на пароход, который плыл с севера в какую-то из мелких рек в Луизиане, так что мы могли проехать всю Верхнюю и Нижнюю Миссисипи прямо до фермы дяди Сайласа в Арканзасе без пересадки в Сент-Луисе — ни много ни мало чуть не тысячу миль.

Пароход нам попался на редкость унылый, пассажиров было совсем мало, все старики и старухи, которые держались подальше друг от друга, дремали, и их вообще не слышно было. Четыре дня ушло на то, чтобы выбраться с верховьев реки, потому что пароход то и дело садился на мель. И все-таки нам не было скучно — разве могут скучать мальчишки, которые путешествуют!

С самого же начала мы с Томом решили, что в соседней с нами отдельной каюте находится какой-то больной, потому что стюард относил туда еду. В конце концов мы спросили об этом у стюарда, то есть Том спросил. Стюард сказал, что там мужчина, но что он совсем не выглядит больным.

— Как, разве он не больной?

— Понятия не имею, может, и больной, только, по-моему, он просто притворяется.

— А почему вы так решили?

— Да потому, что, если бы он был больным, он хоть когда-нибудь раздевался бы, — как по-вашему? А он никогда не раздевается. Даже сапог не снимает.

— Ну да? Даже когда ложится спать?

— Так и ложится в сапогах.

Ну, Тома Сойера хлебом не корми, только дай ему какую-нибудь тайну. Если вы перед ним и передо мной положите рядом тайну и кусок пирога, то вам и предлагать нечего, чтобы мы выбирали то или другое; все решится само собой. Уж такой я человек, что тут же брошусь к пирогу, а Том обязательно бросится к тайне. Люди ведь бывают разные. Да это и к лучшему. Так вот, Том и спрашивает у стюарда:

— А как его фамилия?

— Филлипс.

— А где он сел на пароход?

— Кажется, что в Александрии, в Айове.

— А как по-вашему: что он затеял?

— Понятия не имею, я никогда над этим не задумывался.

Вот еще один человек, подумал я, который потянется за пирогом.

— А вы ничего не заметили особенного в том, как он ведет себя, как разговаривает?

— Да нет, ничего. Разве только пугливый он очень, дверь каюты всегда запирает — и днем и ночью. А когда стучишь к нему, никогда не открывает, пока через щелочку не увидит, кто это.

— Черт возьми, это интересно! Хотелось бы мне взглянуть на него. Послушайте, когда вы следующий раз понесете ему еду, как вы думаете, не удастся ли вам пошире открыть дверь и...

— Ничего не выйдет. Он всегда стоит за дверью. Так что из этого ничего не выйдет.

Том подумал, подумал и говорит:

— Вот что! Дайте мне свой фартук, и я утром отнесу ему завтрак. А вам я за это дам двадцать пять центов.

Парень согласился, при условии, если старший стюард не будет против. Том заверил его, что все будет в порядке и что он сумеет договориться со старшим стюардом. Так оно и получилось. Том условился, что мы оба наденем фартуки и понесем завтрак.

Тому до того не терпелось попасть в соседнюю каюту и раскрыть тайну Филлипса, что он никак не мог заснуть: всю ночь он строил догадки. По-моему, это было вовсе ни к чему, — если вы собираетесь что-то выяс-

нить, что толку гадать заранее и тратить порох попусту? Я лично прекрасно выспался. Плевать мне на тайну этого самого Филлипса, сказал я себе.

Утром мы с Томом надели на себя фартуки, взяли по подносу с едой, и Том постучал в дверь соседней каюты. Пассажир приоткрыл дверь, впустил нас и быстро захлопнул ее. Бог мой! Как только мы увидели его, мы чуть не выронили наши подносы; а Том воскликнул:

— Юпитер Данлеп! Как вы сюда попали?

Пассажир, ясное дело, остолбенел от удивления; в первую минуту он, похоже, не знал, испугаться ему или обрадоваться, а может, и то и другое вместе, но потом, видимо, решил обрадоваться. Во всяком случае, щеки его опять порозовели, хотя поначалу он ужасно побледнел. Пока он завтракал, мы разговорились. И он нам заявляет:

— Только я не Юпитер Данлеп. Я вам сейчас расскажу, кто я, если вы поклянетесь, что будете молчать. Дело в том, что я и не Филлипс.

Тут Том ему и выпалил:

— Молчать-то мы будем, но если вы не Юпитер Данлеп, то можете и не говорить, кто вы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

Перевод *К. Чуковского*
Иллюстрации *Т. Вильямса*

<i>Предисловие</i>	7
<i>Глава I</i> . Том играет, сражается, прячется	8
<i>Глава II</i> . Великолепный маляр	16
<i>Глава III</i> . Занят войной и любовью	23
<i>Глава IV</i> . «Козыряние» в воскресной школе	31
<i>Глава V</i> . Жук-кусака и его жертва	41
<i>Глава VI</i> . Том знакомится с Бекки	47
<i>Глава VII</i> . Гонки клеща и разбитое сердце	59
<i>Глава VIII</i> . Будущий храбрый пират	65
<i>Глава IX</i> . Трагедия на кладбище	71
<i>Глава X</i> . Вой собаки пророчит беду	78
<i>Глава XI</i> . Том испытывает муки совести	85
<i>Глава XII</i> . Кот и «болеутолитель»	90
<i>Глава XIII</i> . Шайка пиратов поднимает паруса	96
<i>Глава XIV</i> . Лагерь счастливых пиратов	104
<i>Глава XV</i> . Том украдкой посещает родной дом	111
<i>Глава XVI</i> . Первые трубки. — «Я потерял ножик»	116
<i>Глава XVII</i> . Пираты присутствуют на собственных похоронах	125
<i>Глава XVIII</i> . Том рассказывает свой вещий сон	129
<i>Глава XIX</i> . Жестокие слова: «Я не подумал»	138
<i>Глава XX</i> . Том жертвует собой ради Бекки	141
<i>Глава XXI</i> . Красноречие — позолоченный купол учителя	146
<i>Глава XXII</i> . Гек Финн цитирует Библию	154
<i>Глава XXIII</i> . Спасение Меффа Поттера	158
<i>Глава XXIV</i> . Блистательные дни — и ужасные ночи	165
<i>Глава XXV</i> . Поиски клада	167

<i>Глава XXVI. Сундучок с золотом похищен настоящими разбойниками</i>	174
<i>Глава XXVII. Дрожат и выслеживают</i>	182
<i>Глава XXVIII. В берлоге Индейца Джо</i>	185
<i>Глава XXIX. Гек спасает вдову Дуглас</i>	189
<i>Глава XXX. Том и Бекки в пещере</i>	197
<i>Глава XXXI. Нашлись и потерялись опять</i>	206
<i>Глава XXXII. «Выходите! Нашлись!»</i>	216
<i>Глава XXXIII. Гибель Индейца Джо</i>	220
<i>Глава XXXIV. Золотой поток</i>	231
<i>Глава XXXV. Благовоспитанный Гек вступает в разбойничью шайку</i>	234
<i>Заключение</i>	240

ТОМ СОЙЕР ЗА ГРАНИЦЕЙ

Перевод *К. Савельева*

Иллюстрации *Д. Бэрда*

<i>Глава I. Том ищет новых приключений</i>	243
<i>Глава II. Подъем на воздушном шаре</i>	250
<i>Глава III. Том объясняет</i>	256
<i>Глава IV. Буря</i>	262
<i>Глава V. Земля</i>	266
<i>Глава VI. Караван</i>	273
<i>Глава VII. Том отдает должное блохе</i>	279
<i>Глава VIII. Исчезающее озеро</i>	285
<i>Глава IX. Том рассуждает о пустыне</i>	293
<i>Глава X. Холм сокровищ</i>	298
<i>Глава XI. Песчаная буря</i>	303
<i>Глава XII. Джим в осаде</i>	313
<i>Глава XIII. Экспедиция за трубкой Тома</i>	321

ТОМ СОЙЕР — СЫЩИК

Перевод *Б. Грибанова*

Иллюстрации *А. Б. Фроста*

<i>Глава I. Том и Гек получают приглашение</i>	331
<i>Глава II. Джек Данлеп</i>	335
<i>Глава III. Похищение брильянтов</i>	340

<i>Глава IV.</i> Трое спящих	345
<i>Глава V.</i> Трагедия в роше	349
<i>Глава VI.</i> Как добыть брильянты	352
<i>Глава VII.</i> Ночное наблюдение	356
<i>Глава VIII.</i> Разговор с привидением	361
<i>Глава IX.</i> Юпитер Данлеп найден	366
<i>Глава X.</i> Арест дяди Сайласа	371
<i>Глава XI.</i> Том Соьер разоблачает убийц	374